

ИНТЕРВЬЮ ХУАНА РУЛЬФО ГАЗЕТЕ “¡SIEMPRE!” (15.08.1973 г.)¹

Вопрос. Для начала, сеньор Рульфо, не могли бы Вы вкратце рассказать об истоках Вашего писательского творчества?

Х. Р. По правде говоря, мне довольно сложно указать такой исток. Мое формирование в качестве писателя носило не систематический, а, если угодно, произвольный характер и основывалось на чтении всего, что попадалось под руку. Это не было целенаправленным самообразованием, просто я искал, что мне понравится, что затронет меня в человеческом плане.

Вопрос. В этом хаотическом чтении попадались ли книги, оказавшие на Вас особое воздействие?

Х. Р. Да. Прежде всего, произведения Кнута Гамсуна, которые я прочитал — можно сказать, впитал в себя — в раннем возрасте. Мне было лет четырнадцать или пятнадцать, когда я открыл для себя этого писателя, он меня потряс. Он перенес меня в доселе незнакомый нордический туманный мир. Он вырвал меня из нашего мира, наполненного слепящим солнечным светом. Может быть, у меня была внутренняя тяга к чему-то смутному, неясному, в противовес жесткой очерченности, определенности нашей действительности. Итак, Кнут Гамсун открыл для меня скандинавскую литературу, а затем я уже целенаправленно отыскивал скандинавских авторов и прочел тех, кто были мало известны у нас в то время, таких как Бойерсен, Йенс Петер Якобсен, Сельма Лагерлеф. Настоящим открытием для меня стал Халдор Лакснесс — я прочитал его книги задолго до того, как он стал Нобелевским лауреатом. Так что я проникся глубокой симпатией к этим писателям. Они внушали мне более точное, вернее сказать, более оптимистичное представление о жизни, чем то, какое создавал наш жестковатый мексиканский мир.

Вопрос: А мексиканскую литературу Вы тоже читали, например роман о мексиканской революции?²

---

¹ Перевод с исп. и комментарии А. Кофмана. Перевод выполнен по: Juan Rulfo. “Entrevista.” Publicado originalmente en *¡Siempre! La cultura en México* 1,051 (15.08.1973): VI–VII. Online at Ciudad Seva. Casa digital del escritor Luis Lopez Nieves. <http://ciudadseva.com/texto/entrevista-a-juan-rulfo/>

² Роман о мексиканской революции — совокупность романов в мексиканской прозе конца 20-х — середины 30-х XX в., объединенных прежде всего тематикой (мексиканская революция 1910–1917 гг., самая длительная и кровавая на американском континенте), а также общностью некоторых осо-

Х. Р. Конечно. Именно роман о мексиканской революции дал мне представление о том, чем была наша революция. Я познавал историю через литературу. Мне же не пришлось пережить те события. Тему мексиканской революции зачинали писатели, ныне столь мало ценимые. Это Рафаэль Муньос, Мариано Асуэла, Мартин Луис Гусман, Грегорио Лопес-и-Фуэнтес как автор романа «Лагерь». Муньос известен романом «Пушки били под Бачимбой», а также историческим романом о нашем диктаторе Санта Анне, где этот персонаж представлен в ироническом свете.

Вопрос: Вы читали Яньеса до того, как начали писать?³

Х. Р. Да, я прочитал его роман «Перед грозой» до того как написал «Педро Парамо».

Вопрос: Не могли бы Вы рассказать, как Вы нашли манеру повествования для «Педро Парамо»?

Х. Р. Прежде всего я искал подходящий стиль. Персонажей и место действия я уже держал в голове. Я хорошо знал тот район страны, там прошло мое детство, так что я нутром чувствовал

бенностей стилистики и содержания. Родоначальником романа о мексиканской революции был М. Асуэла, автор романа «Те, кто внизу» (“Los de abajo”, 1916), получившего широкую известность лишь в 1927. Он стал образцом для других романов, воплотив некоторые основополагающие художественные принципы данного течения. Из них наиболее известны роман М.Л. Гусмана «Орел и змея» (“El águila y la serpiente”, 1928) и его же «Воспоминания Панчо Вильи» (“Las memorias de Pancho Villa”, 1938), созданные на основе архивов вождя крестьянской армии и написанные от его лица простонародным языком; романы Р. Муньоса «Пушки били под Бачимбой» (“Se llevaron el cañón para Bachimba”, 1931, опубл. 1941) и «Пойдем за Панчо Вильей» (“Vámonos con Pancho Villa”, 1932); роман Н. Кампобельо «Ружейный патрон» (“El cartucho”, 1931), где подлинные трагические события революции представлены в восприятии девочки; романы «Лагерь» (“Campamento”, 1931) и «Мой генерал!» (“¡Mi general!”, 1933) Г. Лопеса-и-Фуэнтеса. Надо отметить, что Рульфо остался глубоко равнодушен к художественному опыту этих авторов: он не развивал традицию романа о революции, а решительно порывал с ней, используя совершенно иные принципы отражения исторических событий: он отсек от них все политическое, социологическое и само историческое, оставив лишь архетипическое и мифологическое.

³ Речь идет о романе Агустина Яньеса «Перед грозой» (“Al filo del agua”, 1949), который противопоставил роману о мексиканской революции иные средства воссоздания действительности — через призму сознания персонажей. Яньес не оказал никакого влияния на Рульфо. Несходство писателей проявляется в первую очередь на стилистическом уровне: вязкая, монотонная многословная и бессобытийная проза Яньеса — полная противоположность упругой, сжатой, пружинистой прозе Рульфо, герои которого, в отличие от персонажей Яньеса, сначала действуют, а потом уже думают и переживают.

сюжет и все остальное. Но я никак не мог найти, как это выразить. И тогда я просто попробовал выразить это языком жителей моего селения. Ранее я сделал ряд попыток работать с языком в других направлениях, но эти пробы оказались неудачны, текст звучал в большей или в меньшей степени фальшиво. Он совершенно не соответствовал антуражу действия. Поэтому в конце концов я обратился к тому опыту, какой ранее опробовал в рассказах, а именно, к народному разговорному языку — я слышал его с детства, и он жив поныне.

Вопрос. Как Вы относитесь к утверждению некоторых критиков о том, что «Педро Парамо» — роман невнятный, с затемненным смыслом (“oscuro”)?

Х. Р. По правде говоря, для меня он тоже темен. Прямо скажем, это нелегкое чтение. Я хотел погрузить читателя в происходящее, а не описать события. В этом романе главный герой — селение и его обитатели. Некоторые критики считают центральным персонажем романа Педро Парамо. На самом деле главный герой романа — селение. Вымершее селение, где живут призраки, где все до единого жителя умерли, и даже рассказчик — и тот мертвец. Здесь нет различия между временем и пространством. Ведь мертвые не ведают ни времени, ни пространства. Они не движутся во времени и пространстве. Они просто появляются ниоткуда и исчезают. В этом странном (“confuso”) мире единственные, кто после смерти возвращаются на землю (таково распространенное поверье), — души тех, кто умер во грехе. А поскольку в том селении почти все умерли во грехе, то все они и вернулись. Они заново населили деревню, но теперь ее жителями стали души мертвых.

Вопрос. Еще один вопрос, важный для меня. Как соотносится этот горький и пессимистичный образ мира мертвых, где человек застыл во времени, с личностью Хуана Рульфо?

Х. Р. Ни в моих рассказах, ни в «Педро Парамо» нет ничего автобиографического. Там нет ни одной страницы, которая имела бы хоть какое-то отношение ко мне и к моим близким. Я никогда не отражаю собственный жизненный опыт. И вовсе не потому, что настроен против автобиографической прозы. Просто окружающие меня люди не дают мне писательского материала, я черпаю его в воображаемых персонажах.

Вопрос. Но считается, что в прозе как-то отражается авторская картина мира.

Х. Р. Да, возможно, отражается где-то в глубине, а не на поверхности текста. У меня было очень тяжелое, очень трудное детство. Я жил в семье, которая быстро распалась, и в селении, подвергшемся полному разрушению. Мой отец и все его братья были

убиты. Я жил в зоне опустошения. Не только человеческого опустошения, но и опустошения, так сказать, географического. Я до сих пор не понимаю внутренней логики всего произошедшего. Я вовсе не склонен винить в этом революцию. Скорее, это было что-то атавистическое, фатальное, алогичное. Я до сих пор не могу понять, почему в моей семье так систематично происходили убийства и жестокости.

Вопрос. Вернемся к писательскому мастерству. Как Вы создаете своих персонажей?

Х. Р. Я по-прежнему не знаю, как я прихожу к темам и сюжетам моей прозы. У меня нет предзаданного критико-аналитического чувства. Я просто воображаю себе персонажа, а дальше иду у него на поводу, не представляя, куда он меня приведет. Я не пытаюсь направлять его, я иду за ним, пусть даже по неведомым тропам. Я начинаю с того, что воображаю себе персонажа. И когда он ясно вырисовывается передо мной, я иду за ним. При этом я знаю, что это будет вовсе не спокойная прогулка, там возможны неожиданные прыжки. Иначе и быть не может, ведь жизнь человека непредсказуема. Особенно, когда речь идет о поступках. Далеко не всегда человек разумен и последователен в своих действиях. В любом случае я всячески стараюсь избежать мертвых страниц, когда ничего не происходит. Я сразу перескакиваю туда, где с персонажем что-то происходит, где начинается действие, где ему приходится совершать поступки, причем, часто судьбоносные поступки.

Вопрос. Вновь сменим тему нашей беседы. Могли бы Вы сказать, что «Педро Парамо» — это роман отрицания?

Х. Р. Вовсе нет. Там просто отрицаются некоторые ценности, какие по традиции превозносились. Лично для меня они таковыми не являются. Например, если говорить о религии, о вере. Я рос в среде верующих, но их жизнь была до такой степени извращена, что она явно противоречила их религии, казалось, они вообще ни во что не верят. Если же говорить о персонажах «Педро Парамо», то именно их вера во что-то и довела их до столь плачевного состояния и, в конечном счете, была разрушена. Хотя они по-прежнему считают себя верующими, их вера опустошена. Им не за что ухватиться, им не на чем удержаться. В этом отношении это действительно роман отрицания. Многие думают, будто самое справедливое правосудие — лучшее из правосудий, тогда как, на мой взгляд, это худшее из правосудий. К примеру, фанатичная вера приводит к антивере, к отрицанию веры. Я был свидетелем этого. Ведь я вырос там, где прокатилась не только всем известная мексиканская революция, но также война кристерос. В этой

войне люди убивали друг друга, не веруя в то, за что они сражались. Они-то полагали, будто воюют за свою веру, за святое дело, но если пристально всмотреться в причины той борьбы, то понимаешь, как далеки были эти люди от христианства.

Вопрос. Коль скоро Вы упомянули Вашу родину, штат Халиско, не могли бы Вы вкратце охарактеризовать историческое своеобразие этого региона?

Х. Р. Да, надо знать историю, чтобы понять корни того фанатизма, о котором я только что говорил. В этой зоне испанское завоевание протекало в очень жестких формах. Испанские конкистадоры уничтожили индейское население, никого не оставив в живых, и утвердились на этой территории. Вслед за ними пришли испанские колонисты. Из-за того, что индейское население в этой зоне было полностью уничтожено, в сознании испанских поселенцев выработалась очень специфическая черта. Это была своего рода креольская спесь, по сути своей, позиция реакционная, консервативная. Они были готовы всеми правдами и неправдами отстаивать свои интересы, которые были для них превыше всего. Они считали, что заслуживают к себе особого отношения по причине того, что они завоевали и заселили эту территорию. И их потомки также чувствовали себя полновластными хозяевами этих земель. Они яростно противостояли всему, что угрожало их власти и собственности. Отсюда проистекают их упрямство и несговорчивость, та духовная атмосфера, которая окружала Педро Парамо с детства. Завершая эту беседу, вернусь к разговору о негативизме романа «Педро Парамо». Я не думаю, что это негативистский роман, напротив того, обнажать зловредные обычаи, антигуманные тенденции, приводящие к жестокости и страданию, — значит утверждать позитивное начало жизни.